

Под оперным солнцем места хватит всем

Экс-солистка Мариинского театра Елена Прокина верит, что снова будет петь в России

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

— Легко ли петербуржанке трансформироваться в человека мира?

— Могу сказать, что мне было легко. Но, может быть, от того что я не коренная петербуржанка. Я родилась и выросла в Одессе. А петербуржанка я только благодаря своей бабушке и своему образованию. Сначала училась в ленинградском тогда еще театральном институте, потом закончила консерваторию. И, наконец, самое главное — я имела возможность несколько сезонов работать в Мариинском театре.

— И вас ничто не раздражает в западной жизни?

— Ну если только какие-то малозначительные мелочи, с которыми мне трудно согласиться. К примеру, я считаю очень плохим тоном западную манеру аплодировать самим себе, когда после окончания спектакля артисты выходят на сцену и хлопают друг другу и оркестру. Для меня это выглядит абсолютно смешотворно. Нашу работу может оценивать только публика.

— Вам жаль, что на сегодняшний момент у вас нет никаких отношений с Мариинским театром?

— Безумно жаль, ведь это та сцена, на которой я начинала, которую считаю родной. Я еще не думала и не знаю, когда именно это произойдет и какая роль станет символом возвращения, но я верю, что обязательно вернусь в Мариинку в один прекрасный день, невзирая ни на какие обстоятельства. Я никогда не соррилась ни с Валерием Гергиевым, ни с театром. Я была чужь ли не первой певицей, кого взял в Мариинский театр Гергиев, как только стал художественным руководителем.

— Из-за чего же все-таки вы так неожиданно решили покинуть Мариинку?

— Я никогда не была избалованной примадонной. И более того — вдруг стала замечать, что больше не имею «иммунитета», дарованного мне поначалу Гергиевым. Каждый, кому не лень мог позволить себе задеть меня, отгрызнуться... Еще длинная цепь мелких и крайне унижительных, обидных событий, вспоминать которые сейчас смысла нет. К тому же в основном я пела не свой репертуар. У меня начались вокальные проблемы. И уйдя из театра, я по три-четыре часа в день пела упражнения, Моцарта, слушала хорошие записи — другими словами «лечила» свой голос. Сегодня я считаю, что тогда поступила абсолютно верно. Хотя после этого я прожила в Питере еще два мучительных года, поскольку не имела работы. И очень тосковала, и сейчас, честно сказать, продолжаю тосковать по театру. Я русская певица, и мне не хватает родины. Я с удовольствием жила бы сегодня в Петербурге. Но понимаю, что, пока существуют визы, это нереально.

— А со стороны Большого театра вам когда-нибудь поступали какие-то предложения?

— Нет. Полная тишина. А жаль, ради интересной работы я могла бы даже как-то пересмотреть свое мировое расписание. У меня есть огромное, абсолютно искреннее желание сделать что-то заметное дома. И материальная сторона вопроса, могу сразу сказать, в данном случае волнует меня меньше всего.

— По-вашему, русская певица обязательно должна быть любима

CATHERINE ASHMORE

Ее знал и любил Петербург как безумно нежную Наташу Ростову в «Войне и мире», гипердраматическую Полину в «Игроке» Прокофьева, кроткую Дездемону в вердиевском «Отелло». Именно спектакль «Отелло» в дуэте с Пласидо Доминго в феврале 1992 года стал для певицы последним на мариинской сцене. С тех пор Елена ПРОКИНА, одна из самых первых звезд Мариинского театра эпохи Валерия Гергиева, больше не появлялась на оперной сцене Петербурга, будто растворившись в небитии для абсолютного большинства отечественных меломанов. На самом же деле в середине 90-х Прокина уехала за границу и за пять лет сделала заметную международную карьеру. Теперь в ее биографии уже есть выступления во всех лучших оперных театрах мира — Глайндборнская опера, Colon в Буэнос-Айресе, лондонский Covent Garden, миланский La Scala... За исключением разве что только Metropolitan. Ныне Елена Прокина живет в Люксембурге и очень редко появляется в России, да и то исключительно по личным делам. Правда, возможно, в наступающем сезоне невольный мораторий на выступления в России будет, наконец, отменен. Целую неделю изнурительно жаркого лета Елена Прокина провела в подмосковном уединении ради каждодневных многочасовых репетиций. На ноябрь запланирована премьера камерной концертной программы из русской музыки XX века — Стравинский, Метнер, Прокофьев, Шостакович, Десятников. В тандеме с пианистом Алексеем Горболом Елена Прокина собирается дать по одному концерту в Москве и в Петербурге.

и узнаваема дома, несмотря на успех на Западе?

— Думаю, что да. Вот только, как ни печально, в России выбор театров и творческих людей, с которыми было бы интересно работать, катастрофически мал. Но зато в любом нашем театре всегда есть человек, в чьих руках единолично сосредоточена вся власть. Это важное коммерческое условие. К сожалению, в наше время все оперное искусство построено по правилам элементарного бизнеса, а не высокого искусства.

— На ваш взгляд, роль менеджера в судьбе современного певца преувеличена?

— Очень преувеличена. Но, к сожалению, в существующих ныне обстоятельствах ничего изменить по большому счету нельзя. И в этом смысле я не могу назвать свою карьеру легкой. Мне пришлось преодолеть массу препятствий. Раньше я очень страдала от этого. И перестала страдать лишь с того момента, когда начала получать достаточное количество предложений, чтобы иметь реальную возможность выбора, идти по своему собственному пути.

— Вы остаетесь эгоисткой?

— Нет. Я бы так не сказала. Это скорее желание максималь-

но выразить себя и оставить какой-то след в том, что ты делаешь. Это формирование собственного музыкально-сценического, личного лица на современном музыкальном рынке, а не эгоизм ради эгоизма.

— Вы смогли найти в мире родной себе театр помимо Мариинского?

— Родной — нет. Мне кажется, что родным может быть только один театр. Я уже успела выступить практически на всех лучших оперных сценах мира, но приятнее всего мне возвращаться в Цюрих.

— Какую партию вы считаете судьбообразующей в своей карьере?

— Катя Кабанова в опере Яначека, с которой я дебютировала на сцене лондонского Covent Garden. Для меня это была невероятно захватывающая работа, прежде всего в драматическом смысле. Именно с этой постановки я начала верить в себя как в актрису. У меня был почти целый год на осмысление этой партии, и он не прошел для меня даром. После чего, к сожалению, я больше ни разу не готовила свои новые партии столь обстоятельно.

— Вы практически избежали в

своей карьере исполнения шлягерного репертуара — прямого пути к известности и успеху...

— В какой-то мере это был сознательный шаг. Во многих операх Верди, за исключением поздних, типа «Травиаты», мне просто-напросто не хватает драматургии, развития образа, чисто актерской работы. Не хватает каких-то вещей, не выписанных музыкально, которые бы помогали актеру раскрываться. Но помимо решения актерских задач параллельно и постоянно я работаю над вокальной стороной своей профессии. Поэтому я много была вынуждена заниматься ранним Верди, то есть той музыкой, в которой отсутствует драматургия, но очень полезной для голоса. И я часто пою Лукрецию в «Двое Фоскари», Камелию в «Симоне Бокканегра» и Дездемону в «Отелло». Но хотелось бы петь побольше музыки bel canto.

— Почему так сложилось, что в отличие от большинства своих русских коллег вы исполняете мало русской музыки на Западе?

— Я считаю и чувствую, что в основном вся русская музыка написана очень неудобно для голоса в отличие, к примеру, от итальянской. После работы в русской опере приходится обязательно давать голосу отдых. Поэтому я стараюсь больше одной русской оперы в сезон не петь. Кстати, именно по этой причине я недавно отказалась от возможности своего дебюта в роли Тамиры в «Демоне» Рубинштейна, хотя эта партия, бесспорно, вокально мне очень подходит. И надеюсь, что мне еще предоставится подобный шанс.

— Сегодняшняя примадонна — это в большей степени талант или характер?

— Я думала об этом. Мне очень жаль, что многие мои знакомые и незнакомые, но талантливейшие ребята не состоялись в жизни. Я анализировала эту ситуацию и пришла к выводу, что эта профессия — громадный комплекс не только профессиональных, но и личностных качеств. И в первую очередь воли. Случаются ситуации, когда ты бываешь в таком состоянии, что не можешь выйти на сцену и спеть спектакль. Но ты преодолеваешь себя и делаешь это вопреки всему, потому что степенность личной ответственности в каждом спектакле, как правило, равна будущему всей твоей карьеры в целом.

— Добившись успеха, вам удается сохранить дружеские отношения с кем-нибудь из коллег?

— Конечно, удается — с теми, кто хочет такие отношения сохранять. Постепенно ревность к чужим успехам проходит. На нее просто нет ни времени, ни сил. Профессия у нас такая, что постоянно находишься в творческом процессе: мозг и сердце постоянно заняты музыкой, ролями и переживаниями из города в город, из страны в страну на фоне перманентного сбора-разбора чедманов. В конце концов приходит мудрость, понимание того, что всем хватит места под оперным солнцем.

— Выходит, вы стали фаталисткой?

— Я верю в Бога, в то, что все, что делается с нами, идет от Бога, и сопротивляться этому бессмысленно. В этом мое успокоение.

— Каким вы видите свой завтрашний день?

— Я не задумывалась об этом.

— Почему?

— Потому что мне хорошо сегодня.